

Шаманский мотив в произведениях писателей Республики Корея

Ли Сан Юн

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Для цитирования: Ли Сан Юн. Шаманский мотив в произведениях писателей Республики Корея // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. Вып. 4. С. 679–691. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.407>

Рассматриваются произведения южнокорейских писателей, в которых присутствует шаманский мотив. Шаманизм как древнее верование распространен у большинства народов мира и обладает рядом общих характеристик и региональных особенностей. Особенность корейского шаманизма в том, что служителями культа в большинстве своем являются женщины, *мудан*. В рассматриваемых произведениях среди персонажей встречаются в основном шаманки, которые со времен государства Корё (918–1392) до второй половины XX в. представляли собой касту презираемых людей. Выявляются особенности использования шаманского мотива в произведениях классиков корейской литературы Ким Тонни (1913–1995), Пак Кённи (1926–2008), Пак Вансо (1931–2011), Чо Чоннэ (род. 1943) и писателей другого поколения — Ын Хигён (род. 1959), Чхон Мёнгван (род. 1964), Чон Ючжон (род. 1966), описывающих корейскую действительность со времен колониального периода (1910–1945) до последнего десятилетия. Предоставляется краткий пересказ некоторых произведений и цитируются фрагменты текста, поскольку сопоставляются события, формирующие конфликт, и выявляются описания схожих сцен. Определяются причины популярности шаманского мотива, роль шаманизма в современном корейском обществе, а также авторское отношение к древнему верованию. Писатели уделяют внимание образу жизни шаманок, их внутреннему миру, традициям, церемониям, отношениям к ним людей разных сословий. В настоящее время в Республике Корея шаманизм воспринимается как неотъемлемая часть культурного кода корейцев, поскольку шаманские представления о могуществе духов с древности играли важную роль и дошли до наших дней без заметных изменений. В литературных произведениях образы шаманок дополняют реальную картину жизни корейского народа, который нуждался в посредничестве шаманов для установления своего миропорядка. Исследование использования шаманских мотивов в художественной прозе позволяет лучше узнать традиции и культуру Кореи.

Ключевые слова: современная корейская литература, шаманский мотив, Ким Тонни, Пак Кённи, Пак Вансо, Чо Чоннэ, романы-эпопеи.

Введение

Рассматривая вопрос о современной корейской литературе, связанной с шаманской темой, следует указать, что первые упоминания о шаманском веровании встречаются в древнейших памятниках, сохранившихся со времен государства Корё (918–1392). Это «Исторические записи Трёх государств» (*삼국사기*), «Самгук

саги», 1145) Ким Бусика (1075–1151), «Дела, опущенные в “Исторических записях Трех государств”» (삼국유사, «Самгук юса», 1285) Ирёна (1206–1289) и др. До проникновения на Корейский полуостров конфуцианства и буддизма, а затем усиления их влияния на правящий класс шаманы занимали высокое положение при дворах правителей [1, с. 161]. Однако, несмотря на то что многие элементы шаманского верования переплелись с идеями буддизма и конфуцианства, шаманизм постепенно утратил свои позиции и стал религией простолюдинов, вызывая у многих представителей образованного сословия неприятие. Так, в сочинении известного государственного деятеля и литератора Ли Кюбо (1168–1241) «Наставляю своего пса Пан-о» обнаруживается такое отношение к шаманам: «Кусай старого шамана и бесстыжую шаманку¹, если те постучат в дверь и попросят, чтоб их приняли. Это на них таращат глаза и косятся на их танцы с превращениями, влекущие за собой явление духов и тем самым вводящие в заблуждение и морочащие» [2]. Судя по всему, Ли Кюбо как конфуцианец считал служителей шаманского культа шарлатанами и относился к ним как к презренным людям.

Во времена династии Ли (1392–1910), принявшей конфуцианство в качестве государственной идеологии, положение шаманов ухудшилось, им даже запрещалось жить в столице [1, с. 161]. Однако простой народ по-прежнему обращался к ним, поскольку ритуалы, связанные с похоронами, изгнанием злых духов, умилованием духов-покровителей, предсказанием будущего, оставались важными элементами жизни корейцев. В последующие периоды отношение к шаманам не претерпевало особых изменений.

В годы японской колонизации (1910–1945) корейские просветители с целью противостояния ассимиляции корейцев в японском государстве пытались найти черты национальной самобытности. Так, Чхве Намсон (1890–1957) в своих сочинениях обращается к упомянутому памятнику «Самгук юса» и приводит миф о Тангуне, основателе Древнего Чосона, представляя его государем-шаманом. Таким образом Чхве Намсон противопоставляет корейский исторический путь японскому, показывая, что в Корее в первую очередь является Тангун, а в Японии — богиня солнца Аматаэрасу [3, с. 160].

Произведения, написанные в XX в.²

Одним из самых значимых произведений Ким Тонни (1913–1995) признан «Портрет шаманки» (1936). Рассказ написан до образования Республики Корея (1948), однако мы начинаем с него, поскольку он обязательно упоминается в научной литературе, посвященной шаманизму. Ким Тонни использовал образ шаманки как символ, олицетворявший невежественное прошлое страны, но связанный с традиционными корнями. В рассказе представлен конфликт между местным традиционным и западным верованием — христианством, впервые проникшим в Корею в XVIII в. и получившим широкое распространение в 1920–1930-е годы, когда японцы пытались насадить синтоизм.

¹ Служителями шаманского культа, кроме женщин (*мудан*), были мужчины-шаманы (*наксу*) и слепые от рождения шаманы (*пансу*).

² Из рассматриваемых произведений на русский язык не переведены повесть Хан Сынвона и романы-эпопеи Чо Чоннэ и Чхве Мёнхи.

К главной героине, шаманке Мохва, с Библией в руке возвращается взрослый сын Уги, мальчиком отправленный в буддийский монастырь. Шаманка сжигает Библию сына и смертельно ранит его, когда он пытается потушить пожар. После его смерти, проводя последний в жизни шаманский обряд (*кут*), Мохва уходит в глубину реки. Уги отдает свою жизнь, спасая Священное Писание, а Мохва, говорившая: «Посмотрим, чья правда — этого демона Христа или Духа небесного!» [4, с. 84], — добровольно покидает этот мир. Конфликт между старым и новым заканчивается торжеством христианских идей: перед смертью Уги узнает о начале строительства в ближайшем городе христианской церкви, о которой мечтал.

Однако литератор Ли Хёнги (1933–2005) усмотрел в уходе Мохва под воду не поражение, а символ будущего возрождения шаманизма [5, с. 268]. Известно, что в дальневосточной картине мира вода символизирует женское начало, в ней заключена сила, дающая новую жизнь [6, с. 26]. Поэтому трактовка будущего корейского шаманизма Ли Хёнги представляется своего рода пророчеством о его возрождении. Примерно с 1980-х годов, когда шаманские песнопения стали осознаваться как важная составляющая национальной культуры, начал расти и интерес к шаманским церемониям и самому шаманизму.

«Портрет шаманки» отмечен как значимое произведение и англоязычными исследователями: Питером Ли (род. 1929), познакоившим западный (прежде всего американский) мир с корейской литературой [7, с. 404], а также голландским ученым Б. Вальравеном (род. 1947), посвятившим исследования особенностям корейского шаманизма и ритуальным песнопениям *муга*. В анализе произведения он приводит слова Ким Тонни о том, что шаманская тема была выбрана им с целью подчеркнуть самобытность корейской нации [8, р. 11].

В рассказе обращает на себя внимание описание жилища Мохва: «На окраине деревни за кривой каменной оградой с прорехами, напоминающей развалины старой крепости, стоит покосившаяся хижина, крытая глиняной черепицей, в трещинах которой разрослись темные грибы, испускающие сильный земляной запах, а в заросшем сорняками дворе обитают жирные дождевые черви, лягушки и старые жабы. Это жилище выглядит таким заброшенным, что, кажется: его хозяева уже много лет назад прервали связь с миром людей» [4, с. 60]. Писатель называет его «чертовым пристанищем» [4]. Очевидно, дом шаманки символизирует прошлое Кореи, связанное с периодом «политики закрытия страны» (вторая половина XIX в.), которое закончилось под давлением Японии [9, с. 372–384].

В сборнике «Дочь огня» [10] Хан Сынвона (род. 1939) объединены пять повестей, главные герои которых — шаманы или их потомки. Здесь огонь символизирует жизненную силу, силу духа и любовную страсть, которая может подвигнуть человека как на подвиги, так и на преступление.

В одноименной повести «Дочь огня» главные герои — шаманка Куроги и ее дочь Ённе. Писатель показывает внутренний мир Куроги, которая «подверглась насилию и в одиночку растит ребенка, обращаясь с просьбой о защите не к людям, а к духу» [11]. Полицейские арестовывают ее за камлание и требуют отречься от своей деятельности, однако женщина говорит, что это не в ее власти: «*Кут* проводится только при благоволении духа» [12]. От пыток Куроги умирает. Трагична и судьба ее дочери Ённе, которая выросла без отца и стыдится своего происхождения, но хочет создать счастливую семью.

В начале своего правления японские власти запрещали шаманам заниматься своей деятельностью. Тем не менее в те времена ни одни похороны не обходились без шаманской церемонии проводов духа в иной мир. Народ больше полицейских боялся духов умерших, которые в случае несоблюдения похоронного ритуала могут разгневаться и принести несчастье потомкам.

Хан Сынвон по вероисповеданию буддист, но шаманский мотив присутствует во многих его романах, в которых он повествует о простых людях, веками живущих на земле своих предков, их характере и взгляде на судьбу, сформировавшихся под влиянием древних верований.

В корейской литературе, описывающей колониальный период, как правило, судьбы героинь-шаманок печальны, наполнены *хан* — страданием, неизбежной горечью потерь и тоски. Они своей красотой привлекают мужчин, которые позволяют себе вступать с ними в близкие отношения, но без каких-либо обязательств, потому что низкий статус шаманки дает им возможность остаться безнаказанными. Эта особенность фабулы прослеживается и в произведениях других авторов, которые рассмотрим ниже.

Во времена японского правления разворачиваются события и в романе Пак Кённи (1926–2008) «Дочери аптекаря Кима» (1962) [13]. Автор показывает, как сильны у простого народа убеждения в могуществе разного рода духов, будь то духи предков, моря, горы или священного дерева. Как относятся люди к поверьям, можно судить по отдельным персонажам. Например, большая туберкулезом молодая девушка боится умереть незамужней, поскольку верит, что после смерти превратится в злого духа. В то время считали, что неженатых мужчин после смерти также ждет незавидная участь неприкаянной души: бродить по свету и мстить оставшимся в живых.

Судьба одного из персонажей, сына шаманки, подтверждает бытовавшее поверье, что ребенок шаманки может принести несчастье. Когда на семью аптекаря Кима одно за другим свалились несчастья, его жена Хансильтэк отправляется к гадалке узнать будущее членов семьи. Предсказатель сообщает, что посланник смерти Хансильтэк уже в пути: «Ваш дом кишмя кишит злыми духами. <...> Все злые духи в доме собрались, вот дом и гибнет, семья гибнет». У Хансильтэк потемнело в глазах, все, что сказал предсказатель, было сущей правдой» [13, с. 167].

Для исправления ситуации шаманка проводит обряд, но третья дочь аптекаря Ённан нарушает ритуал, в результате зловещее предсказание сбывается: мать семейства умирает, продолжив череду несчастий, обрушившихся на Кимов. Главным виновником смерти Хансильтэк окажется сын шаманки, его страстная любовь к Ённан приведет к краху семьи.

В романе подробно описаны церемонии изгнания злых духов и жертвоприношения духам моря, а также отношение людей к приметам.

Пак Кённи использует шаманский мотив и в романе-эпопее «Земля» [14], в котором описывает жизнь хозяйки трактира Вольсон, дочери умершей шаманки. Она любит женатого мужчину и страдает от своего низкого социального положения. Писательница несколько раз подчеркивает, как сельчане относились к дочери шаманки: «Заметив Вольсон, молодежь стала шептаться, кто-то из них рассмеялся. <...> Вольсон низко опустила голову и надвинула на лицо шелковый платок» [14, с. 140].

Пак Кённи показывает не только чувства одинокой женщины, но и духовную связь Вольсон с умершей матерью, которую уважали селяне и которая желала ей обычной мирской жизни. Однако дочери шаманки трудно обрести счастье, и она, в минуты тоски решив служить духу, ищет успокоения в родном доме.

Автор описывает заброшенный дом на окраине деревни, «покосившуюся хижину», в котором Вольсон жила с матерью до ее смерти: «Она подошла к алтарю, установила свечу в подсвечнике, потом зажгла еще пару свечей. От обилия света обнажилась вся убогость жилища. Возможно, здесь и останавливались одинокие странники, но никто из них не позарился на старые вещи, боясь гнева духов» [14, с. 222].

Судя по тому, с какой симпатией христианка Пак Кённи рисует образ Вольсон, можно догадаться о ее добром отношении к шаманизму. Подтверждением служит и рассказ «Эпоха неверия» (1957) [15], в котором молодая женщина, потерявшая на войне мужа и по вине врачей малолетнего сына, пытается найти утешение сначала в христианской церкви, а затем в буддийском храме, но не находит. Она замечает презрительный взгляд старой монашки, недовольной суммой внесенного пожертвования, видит, как та, проводя обряд поминовения сына, равнодушно распевает мантры, и думает: «Если уж на то пошло, лучше было бы заказать камлание умелой шаманке» [15, с. 132].

В произведениях Пак Вансо (1931–2011) довольно часто встречаются сцены, связанные с шаманками, хотя они не входят в число главных персонажей. В ее детских воспоминаниях (роман «Забывтый вкус кислички», 1992) [16] эти женщины предстают необыкновенными существами, связанными с потусторонним миром: «Шаманка, облаченная в костюм военачальника... ставит маленькие ступни на лезвия. Невесомая и свободная, словно бабочка, она парит в воздухе над уложенными параллельно ножами. Бой барабанов раздается все громче и вдруг обрывается, наступает тишина, тело шаманки исчезает, и на ее месте порхают только две белые бабочки... Для меня это было нечто мистическое, и наблюдала я такое зрелище единственный раз за всю мою жизнь. Это состояние, когда дух вселяется в тело, не поддается разумному объяснению» [16, с. 93].

Писательница описывает традиционный визит женщин в шаманский дом во время новогодних гуляний, праздничную атмосферу и незабываемый вкус традиционного новогоднего блюда — рисовых клецок. Обычно на несколько деревень приходилась одна шаманка, которая заботилась о счастье и предупреждении несчастья своих подопечных. Семья шаманки не выращивала рис, поэтому жила подношениями благодарных селян. В те времена такое отношение к шаманкам являлось признанием важности их общественной деятельности, поскольку от них зависела нормальная жизнь большого коллектива людей.

Однако мать Пак Вансо, овдовевшая в тридцать лет, относилась к деятельности шаманок скептически. Ее муж умер от воспаления аппендицита: «Когда папа заболел и нельзя было терять ни минуты, бабушка, доверившись шаманке, пыталась вылечить его с помощью обряда, отводящего несчастье, и мамино горе по этому поводу никогда не утихало» [16, с. 92].

В произведениях Пак Вансо, посвященных современному обществу, вставшему на путь модернизации, показаны большие изменения во всех сферах жизни, однако можно понять, что деятельность шаманок по-прежнему востребована. Так,

в рассказе «Сон марионетки» (1977) [17] упоминается молодая шаманка, к которой записываются на прием родители, даже образованные, полагающиеся на могущество духов. Шаманка гадает и указывает, куда следует поступать абитуриенту. В Республике Корея именно в период сдачи вступительных экзаменов в университеты часто пользуются услугами шаманки, поскольку для устройства детей в престижное учебное заведение родители используют все возможные способы.

В рассказе «Как их много!» (1975) [17] Пак Вансо знакомит читателей с новым типом шаманки, обладающей дипломом бакалавра (как правило, шаманки не отличались хорошим образованием), и описывает ее в неприглядном свете: «Жена моя хоть и шаманка, но сама во всяких там духов не верит. <...> На самом деле, я знаю, моя жена — шарлатанка. Но она очень хорошо делает деньги» [17, с. 28].

В этом рассказе Пак Вансо использовала мотивы поэмы англо-американского поэта Томаса Стернза Элиота (1888–1965) «Бесплодная земля». «Само его название — это цитата, взятая из поэмы, и она оказывается структурной основой рассказа. В нем узнаваемы детали и персонажи, навеянные образами поэмы Элиота: “призрачный город”, развалины, загрязненный пруд, толпа “мертвых безумцев” и шаманка, продающая веру... Как мы видим в рассказе, искусство шаманки в наши дни превращается в “объект торговли”, в способ обогащения» [18, с. 167]. Писательница через образ шаманки показывает утрату человеком веры в Бога.

Писатель Чо Чоннэ (род. 1943) в эпопее «Горы Тхэбэксан» [19] описывает историю жителей одной деревни с 1945 г. до конца Корейской войны (1950–1953). Среди героев романа выделяются шаманка Вольхва и ее дочь Сохва. Автор показывает, как идеологическая борьба и раскол нации отразились на судьбах людей и какая роль отводилась шаманкам в те времена. Здесь также обнаруживается шаблон в построении романа: рождение у шаманки ребенка вне брака. Такие случаи с шаманками случались часто, поскольку, в отличие от обычных женщин, они были вне зажатого конфуцианской моралью общества.

Роман-эпопею Чхве Мёнхи (1947–1998) «Свечение духа» [20] можно определить как кладезь культурно-исторических и религиозных сведений о провинции Чолладо. Среди персонажей супружеская пара шаманов, которая обслуживает население. Современный кореец объединяет шаманку и гадалею в одном лице, однако в романе указано, что в прежние времена существовало четкое различие между ними.

Отношение критиков к роману неоднозначное. Так, Мин Хёнги отмечает «нереальность описанных событий и отношений между героями и чрезмерное увлечение писательницей описанием этнографических реалий, которые вызывают скуку» [21, с. 269]. Однако российским читателям, возможно, такие подробности будут интересны.

Если в романах Пак Кённи герои говорят на диалекте провинции Кёнсандо, то герои Чхве Мёнхи и Чо Чоннэ — на диалекте провинции Чолладо, известной своими музыкальными традициями, в частности *пхансори* (музыкальный жанр, возникший на основе шаманской музыки, которая сопровождает камлание). Сцены шаманских ритуалов, проводимых на похоронах, церемонии «кормления духов»³ предков [22] в указанных произведениях описаны очень подробно. В 2003 г.

³ Термин доктора исторических наук профессора С. О. Курбанова.

ЮНЕСКО включила *пхансори* в список шедевров устного и нематериального культурного наследия под номером 70.

В рассмотренных произведениях героиням-шаманкам авторы отводят важную роль. Они живут среди людей, но находятся вне общества, поэтому руководствуются своими принципами. В романах присутствуют любовные коллизии, и часто именно шаманки или их дочери ведут сюжетную линию, связанную с любовными отношениями. В этом плане выглядит шаблонным описание судеб шаманок — матерей и дочерей Вольсонне и Вольсон, Вольхва и Сохва, Куроги и Ённе. Героини красивы, они нравятся мужчинам. Женщина узнает, что станет матерью, покидает деревню и через несколько лет возвращается с ребенком. Низкое социальное положение заставляет героинь чувствовать себя униженными и страдать от несправедливости судьбы, но писатели наделяют их чувством собственного достоинства и сильным характером. Описывая поведение и судьбу героинь, авторы характеризуют особенность мировоззрения героинь, которые верны небесному духу и своим чувствам.

Произведения, написанные в XXI в.

Роман Ын Хигён (род. 1959) «Тайна и ложь» [23] свидетельствует, что и в 1960-е годы шаманские ритуалы играли важную роль в жизни корейцев. Писательница, знакомя с шаманкой по прозвищу Бамбуковая хижина, описывает ее жилище: «Дом стоял на обочине дороги, вместо двери висел соломенный мешок. <...> ...перед глазами предстала комната без окон, в ней даже днем было темно. В нос ударил резкий запах заплесневелой земли. Так пахнут курганы или заброшенные могильные холмы» [23, с. 130].

В этом описании обнаруживается сходство с изображением жилища в рассказе «Портрет шаманки» Ким Тонни. Та же убогость, тот же запах сырой земли, хотя героиня Ким Тонни живет во времена японского правления, а Бамбуковая хижина — в начале периода модернизации (1960–1970). В романе Пак Кённи «Земля» жилище шаманки (колониальный период) представлено заброшенным, бедным, но без запаха кургана или могильного холма. В детских воспоминаниях Пак Вансо (1930-е годы, «Забытый вкус кислички») шаманский дом не выглядит убогим. Поэтому можно предположить, что авторитет Ким Тонни столь высок, что Ын Хигён использовала созданный им шаблон и представила жилище своей героини таким неприглядным.

Отметим, что предсказанные шаманкой судьбы героев и предстоящие невзгоды в их семье сбываются, как и в других исследуемых произведениях.

В романе Ын Хигён есть сцена общения героя с молодым гадателем, работающим в специализированном кафе. Такие услуги, как предсказания, гадание на картах, гадание по древним книгам, по дате рождения, составление гороскопов, популярны и в современной Корее, особенно в первые дни Нового года. Снискавшие доверие людей именитые шаманки занимаются таким бизнесом на собственных сайтах.

В произведениях Ын Хигён уделяется внимание персонажам, которые исцеляют больных, проводят церемонии по изгнанию злых духов, предсказывают будущее и получают за свою работу вознаграждение, поскольку их деятельность

востребована. Такие персонажи встречались и в рассказах Пак Вансо, однако Ын Хигён, в отличие от классика, не использует их для раскрытия идейного замысла произведения. Очевидно, через образы шаманки, живущей в землянке, и молодого гадалки с напomaженными волосами, гадающего в кафе, писательница показывает, как изменилось время.

В структуре романа Чхон Мёнгвана (1964) «Кит» [24] шаманский мотив используется как важный эпизод перед кульминационным моментом. Автор описывает *кут*, заказанный главной героиней известной шаманке, с целью задобрить злого духа старухи, начавшего мстить своим обидчикам: «Стол, служивший алтарем, накрыли по правилам церемонии..., установили на нем вареные головы коровы и свиньи, рядом уложили рисовые хлебцы, фрукты, разную снедь... Собравшимся было на что посмотреть: бубенцы, веера, флажки, шести..., большие трезубцы, мечи, секиры в форме полумесяца, резаки с острыми ножами» [24, с. 233].

Однако вошедший в тело шаманки дух старухи не позволяет провести обряд должным образом и изрекает злое предсказание. Скоро весь поселок погибает в огне.

В романе «Кит» мы встречаемся с очередным шаблоном: шаманке предоставлена роль предсказательницы беды и несчастья, ее пророчество сбывается.

Тема романа Хван Согёна (род. 1943) «Принцесса Пари» (2007) [25] заключена в самом названии: по преданиям, так звали прародительницу корейского шаманизма [26, с. 253–254]. Здесь представлен образ бабушки главной героини, потомственной шаманки, символизирующий традиционные корни единого корейского народа. Писатель, известный своей борьбой за объединение корейской нации, рассказывая о злоключениях современной принцессы Пари из Северной Кореи, выражает свои гуманистические взгляды с целью привлечь внимание мировой общественности к проблеме Корейского полуострова.

В романе «Привычный мир» (2011) [27] Хван Согён описывает дно южнокорейского общества, жизнь беднейших людей на гигантской мусорной свалке. Шаманский мотив проходит через все повествование, но без описания традиционных церемоний. Здесь упоминается храм, но он почти разрушен, есть шаманка, но автор называет ее просто тетушкой или хозяйкой собачки по кличке Костлявая, и она общается с духами только во время обострения своей психической болезни. А еще есть духи, представленные в виде голубых огоньков. Эти духи перед добрыми людьми появляются в человеческом обличье, чтобы принять от них жертвенную пищу *мемильмук* — желе из гречишной муки. По сути, здесь описывается обряд кормления духов предков. Устами героев утверждается мысль, что существа из мира духов были и «будут всегда рядом с людьми» [27, с. 65]. Интересно, что эти духи добрые, и в тяжелое время они являются к слабым, убогим, нуждающимся в защите и поддержке. Писатель вселяет уверенность в светлое будущее обитателей этого района, символично названного Островом цветов: настанет время, и там вырастут деревья, кустарники и цветы. Потому что духи, живущие бок о бок с людьми, бережно собирали и высушили для них семена растений для будущего сада.

В психологическом триллере Чон Ючжон (род. 1966) «Семилетняя ночь» (2011) [28] шаманский мотив представлен упоминанием об обряде в память о затонувшей деревне, которую затопили при строительстве дамбы, и описанием обряда освобождения души девочки, утонувшей в озере. Последний проходил в сопро-

вождении множества музыкантов, игравших на традиционных народных инструментах при большом скоплении людей. Этот эпизод интересен тем, что камлание проводит не шаманка, а мужчина-шаман: «Шаман, держа куклу в руке, поднялся на большущее лезвие соломорезки. Костлявые босые ноги с легкостью передвигались по лезвию ножа. Жители Нижней деревни окружили шамана и наблюдали за обрядом. Они считали смерть девочки дурным предзнаменованием. Поэтому все сегодня пришли на шаманский обряд и молились, чтобы с их деревней ничего не случилось» [28, с. 258].

Сравним это описание с похожей сценой камлания в романе Пак Вансо «Забывтый вкус кислички» («шаманка ставит маленькие ступни на лезвия»). Выражение «костлявые ноги» выдают отношение автора к шаманским церемониям. Для Пак Вансо эта сцена — необъяснимое чудесное явление, для Чон Ючжон — заказанное мероприятие, которое проводит шаман-лжец. Однако следует учесть, что Пак Вансо описывала детские воспоминания, а Чон Ючжон использовала эпизод для развития интриги.

Главные герои, живущие в век цифровых технологий, не хотят смотреть на камлание, не верят шаману, однако жители деревни продолжают поклоняться силам природы, духам местностей и для их умилоствления по-прежнему приглашают шаманов провести *кут*.

В последние десятилетия шаманизм при поддержке правительства стал восприниматься как важная часть национальной культуры, благодаря чему интерес к таким важным составляющим этого традиционного верования, как *пхансори*, шаманские обряды, сопровождающиеся красочными представлениями, продолжает расти. Соответственно вызывают интерес и отдельные личности, которые демонстрируют свои способности и верное служение небесному духу.

Об этом можно судить по биографии потомственной шаманки Кымхва (1931–2019), которая была известна всей стране как «народная шаманка». В 1982 г. она побывала в США и вскоре получила мировую известность как исполнительница традиционных шаманских песен и танцев. Ким Гымхва удостоилась звания «Живое национальное достояние Республики Корея», т. е. стала хранительницей важного нематериального культурного наследия.

Однако в корейском обществе сохранилось отношение к шаманизму как к религии, связанной с невежеством и пережитками. Это подтверждают события 2016–2017 гг., когда разразился политический скандал, закончившийся импичментом президенту Республики Корея Пак Кынхе. Южнокорейское общество возмутило не только выявленные коррупционные дела преступной группы, возглавляемой подругой президента Чхве Сунсиль, но и «факты, которые подтверждали..., что страной правит теневой кабинет, где мнение шаманок играет куда большую роль, чем мнение экспертов и правительственных чиновников» [29]. Как выяснили журналисты, Чхве верила предсказаниям шаманок, с которыми часто общалась на темы будущего страны и мира. Протестные демонстрации с зажженными свечами, которые проходили во всех городах Республики Корея в течение пяти месяцев, показали отношение современных корейцев к шаманизму.

Что касается произведений XXI в., то многие авторы, рисуя картины сегодняшней жизни, описывают сцены шаманских церемоний, показывая, что люди по-прежнему поклоняются различным духам, верят в предсказания шаманов,

которые, как правило, сбываются. Кроме того, писатели выставляют своих героинь-шаманок истинными посредниками между людьми и потусторонним миром, рассказывают о добрых духах, которые помогают людям в трудное время и дарят надежду на то, что с возрождением природы изменится к лучшему жизнь на земле.

Заключение

Почему так часто в произведениях писателей Республики Корея среди персонажей встречаются шаманки, а их предсказания сбываются?

Древние солярные и астральные верования, вера в наличие души у всего окружающего мира (анимизм), сложившиеся на Корейском полуострове к бронзовому веку [9, с. 60] и в процессе своего развития получившие название «шаманизм», смогли настолько глубоко проникнуть в мировоззрение корейцев, что стали частью их культурного кода. Несмотря на сложные периоды гонения, запрета, презрительного отношения как к религии невежественных людей, а к самим шаманам как к шарлатанам, корейский шаманизм сумел сохранить свои традиции, обряды, влияние на верующих в небесного духа. Свою связь с миром духов шаманки доказывают не только чудесными исцелениями больных, передачей удивительной информации, посланной из другого мира, но и точными предсказаниями. Корейские писатели показывают осуществление пророчеств шаманок, потому что сами причастны к этому культурному коду. Популярность шаманского мотива, возможно, связана и с мотивацией его введения в сюжет. Элемент мистификации, который присутствует в шаманских обрядах, понятен корейцам и узнаваем ими, как и популярный мотив сна, он позволяет читателям подняться над бытовым уровнем и уйти в мир литературных героев.

Литература

1. Ионова Ю. В. Этнография Кореи // Российское корееведение в прошлом и настоящем. Т. 9. М.: Первое марта, 2011. 423 с.
2. Ли Кюбо. Наставляю своего пса Пан-о // История цветов: корейская классическая проза. Л.: Художественная литература, 1991. С. 86.
3. Троцевич А. Ф. Несколько слов о «Самгук Юса» — историческом труде буддийского наставника Ирёна // Вестник Центра корейского языка и культуры СПбГУ. 2003. Вып. 5–6. С. 151–162.
4. 김동리. 무녀도. 단편집. 서울: 삼준당, 1992. 278 쪽. [Ким Тонни. Портрет шаманки. Сеул: Самчжундан, 1992. 278 с.]. (На кор. яз.)
5. 이현기. 김동리 문학의 찬란한 출범 // 김동리. 무녀도. 단편집. 서울: 삼준당, 1992. [Ли Хёнги. Блестящее начало творчества Ким Тонни // Ким Тонни. Портрет шаманки. Сеул: Самчжундан, 1992. С. 265–271]. (На кор. яз.)
6. Троцевич А. Ф. Миф и сюжетная проза Кореи. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 186 с.
7. Peter H. Lee. A History of Korean Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 404 p.
8. Walraven Boudewijn. Our Shamanic Past: The Korean Government, Shamans and Shamanism // Copenhagen Papers in East and Southeast Asian Studies. 1993. Vol. 8. P. 5–25.
9. Тихонов М. В. История Кореи. Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. М.: Наталис, 2011. 337 с.
10. 한승원. 불의 딸. 서울: 문학과 지성사: 1983. 282 쪽. [Хан Сынвон. Дочь огня. Сеул: Мунхак-ква чисонса, 1983. 282 с.]. (На кор. яз.)
11. 한은현. 무당이라는 재능 혹은 직업 [Хан Ынхён. Шаманское призвание или работа]. URL: <https://webzine.nfm.go.kr/2016/08/24/%EB%AC%B4%EB%8B%B9%EC%9D%B4%EB%9D%BC%EB%>

8A%94-%EC%9E%AC%EB%8A%A5-%ED%98%B9%EC%9D%80-%EC%A7%81%EC%97%85/ (дата обращения: 15.09.2021). (На кор. яз.)

12. 최병옥. 혼불 일기. [Чхве Пёнок. Дневник «Хонбуль»]. URL: http://www.soguri.com/special/literature/literature_story_001.html (дата обращения: 17.09.2021). (На кор. яз.)

13. Пак Кённи. Дочери аптекаря Кима / пер. с кор. Д. Чанг. М.: Э. РА, 2010. 240 с.

14. Пак Кённи. Земля / пер. с кор. М. Пак. М.: Новый хронограф, 2016. 320 с.

15. Пак Кённи. Эпоха неверия / пер. с кор. В. М. Тихонова // Золотая птица Гаруда: рассказы современных корейских писателей. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. С. 115–146.

16. Пак Вансо. Забытый вкус кислички / пер. с кор. Ли Сан Юн, Хам Ёнчжуна. М.: Время, 2016. 322 с.

17. Пак Вансо. Как их много! / пер. с кор. Ли Сан Юн, Хам Ёнчжуна. М.: Время, 2010. 238 с.

18. Ли Сан Юн. Проблемы «традиционно корейского» и «западного» в современной литературе Республики Корея // Корея: новые горизонты. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 165–170.

19. 조정래. 태백산맥. 서울. 해냄사, 1986–1989. 342쪽. [Чо Чжоннэ. Горы Тхэбэксан. Сеул: Хэ-нэмса, 1986–1989. 342 с.]. (На кор. яз.)

20. 최명희. 혼불. 서울. 한길사, 2001. 364 쪽. [Чхве Мёнхи. Свечение духа. Сеул: Хангильса, 2001. 364 с.]. (На кор. яз.)

21. 민현기. 한국 문학 비평론. 새문사, 2004. 340 쪽. [Мин Хёнги. Критика корейской литературы. Сеул: Сэмунса. 2004. 340 с.] (На кор. яз.)

22. Курбанов С. О. Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке: корейское восприятие универсальной категории почтительности к родителям. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 279 с.

23. Ын Хигён. Тайна и ложь / пер. с кор. Ли Сан Юн, Чо Кынхи. М.: Время, 2010. 368 с.

24. Чхон Мёнган. Кит / пер. с кор. Ким Хвана, Ли Сан Юн. М.: Текст, 2018. 416 с.

25. Хван Согён. Принцесса Пари / пер. с кор. А. Рьжков. М.: Луч, 2015. 288 с.

26. Погадаева А. В. Корейские мифы о возникновении шаманизма и устройстве вселенной // Вестник Центра корейского языка и культуры СПбГУ. 2014. Вып. 16. С. 251–261.

27. Хван Согён. Привычный мир / пер. с кор. Д. Крутова. СПб.: Гиперион, 2020. 144 с.

28. Чон Ючжон. Семилетняя ночь / пер. с кор. А. Погадаевой, Чон Инсун. М.: АСТ, 2019. 528 с.

29. Ланьков А. Н. И вся президентская секта. Чем кончится кризис в Южной Корее. URL: <https://carnegie.ru/commentary/66242> (дата обращения: 20.04.2021).

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2021 г.,
рекомендована к печати 15 сентября 2022 г.

Контактная информация:

Ли Сан Юн — канд. филол. наук (1959–2023)

Shaman Motive in Korean Literature

Lee San Yun[†]

HSE University,

16, ul. Soyuza Pechatnikov, St Petersburg, 190008, Russian Federation

For citation: Lee San Yun. Shaman Motive in Korean Literature. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2022, vol. 14, issue 4, pp. 679–691. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.407> (In Russian)

This paper analyzes literary works that allow one to trace the changes in the perception of shaman cult in various periods of Korean social development and sheds light on the popularity of shaman motive in the 21st century. In Kim Tonni's "Portrait of a shaman" (1936), the conflict

between traditional and Western beliefs is shown through the image of a shaman woman symbolizing the ignorant Korean past and her son who converted to Christianity. Han Seungwon in his novels, uses the motive of the call for blood of those people possessed by ghosts and describes shamans' life, traditions, and rituals. Shaman rituals are also described in the works of Park Wanseo. In her childhood memories, shaman women are depicted as transcendental beings tied to the other world. Epic novels by Park Kyongni, Cho Chongnae, Choi Myunghee describe the life of ordinary villagers against the backdrop of historical events. The main character is usually a shaman or her daughter in a love relationship. Shaman motive is also present in some novels written in the 21st century, in which main characters believe in spirits and shamans' prophecies coming true. This implies that the belief in spirits is an inseparable part of Korean cultural identification, even for those who claim to be an atheist. Because shamanism in Korea is perceived as an important part of culture, the interest in shamans and shamanism continues to grow.

Keywords: contemporary Korean literature, shamanism, Kim Tonni, Park Wanseo, Park Kyongni, epic novels.

References

1. Ionova Yu. V. *Ethnography of Korea. Russian Korean studies in the past and present*. Vol. 9. Moscow, Pervoe marta Publ., 2011. 423 p. (In Russian)
2. Lee Kyubo. I instruct my dog Pan-o. *History of flowers: korean classical prose*. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1991. 86 p. (In Russian)
3. Trotsevich A. F. A few words about "Samguk Yusa" — the historical work of the Buddhist mentor Iryeon. *Vestnik Tsentra koreiskogo iazyka i kul'tury Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2003, iss. 5–6, pp. 151–162. (In Russian)
4. Kim Tongni. *Portrait of a shaman*. Soul, Samgungtan Publ., 1992. 278 p. (In Korean)
5. Lee Hyungi. A brilliant start of Kim Tongni's creative way. Kim Tongni. *Portrait of a shaman*. Soul, Samgungtan Publ., 1984, pp. 265–271. (In Korean)
6. Trotsevich A. F. *Myth and narrative prose of Korea*. St Petersburg, Petersburgskoe vostokovedenie Publ., 1996. 186 p. (In Russian)
7. Peter H. Lee. *A History of Korean Literature*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 404 p.
8. Walraven B. Our Shamanic Past: The Korean Government, Shamans and Shamanism. *Copenhagen Papers in East and Southeast Asian Studies*, 1993, vol. 8, pp. 5–25.
9. Tikhonov M. V. *The History of Korea. Vol. 1. From ancient times to 1904*. Moscow, Natalis Publ., 2011. 337 p. (In Russian)
10. Han Seungwon. *The Daughter of Fire*. Soul, Munhakkva jisongsa Publ., 282 p. (In Korean)
11. Han Eunhyun. *Shaman — is it a destiny or work?* Available at: <https://webzine.nfm.go.kr/2016/08/24/%EB%AC%B4%EB%8B%B9%EC%9D%B4%EB%9D%BC%EB%8A%94-%EC%9E%AC%EB%8A%A5-%ED%98%B9%EC%9D%80-%EC%A7%81%EC%97%85/> (accessed: 12.02.2021).
12. Choi Byungok. *Honbul diary*. Available at: http://www.soguri.com/special/literature/literature_story_001.html (accessed: 17.02.2021).
13. Park Kyongni. *The Daughters of Pharmacist Kim*. Rus. ed. Transl. by D.Chang. Moscow, E. Ra Publ., 2010. 240 p. (In Russian)
14. Park Kyongni. *Land*. Rus. ed. Transl. by M. Park. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2016. 320 p. (In Russian)
15. Park Kyongni. The era of unbelief. Rus. ed. Transl. by V. M. Tikhonov. *Zolotaia ptitsa Garuda: rasskazy sovremennykh koreiskikh pisatelei*. St Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1994, pp. 115–146. (In Russian)
16. Park Wanseo. *Forgotten taste of singa*. Rus. ed. Transl. by Lee Sang Yun, Ham Young Joon. Moscow, Vremia Publ. 2013. 322 p. (In Russian)
17. Park Wanseo. *So many of them!* Rus. ed. Transl. by Lee Sang Yun, Ham Young Joon. Moscow, Vremia Publ. 2010. 238 p. (In Russian)

18. Li Sanyun. The problems of traditional Korean and Western background in modern Korean Literature (the short story “So Many” by Park Wanseo). *Koreia: novye gorizonty*. Moscow, Institute of Far East Studies of Russian Academy of Sciences Publ., 2005, pp. 165–170. (In Russian)
19. Cho Chongnae. *Taebak Mountains*. Seoul, Hainaimsa Publ., 1986. 342 p. (In Korean)
20. Choi Myunghee. *Ghost Fire*. Seoul, Hangilsa Publ., 2001. 364 p. (In Korean)
21. Min Hyungi. *Korean literary criticism*. Seoul, Saemons Publ., 2004. 340 p. (In Korean)
22. Kourbanov S. O. *Confucian Classical “Canon of Filial Piety” in Korean Interpretation: Korean Perception of the Universal Category “Respect for Parents”*. St Petersburg, St Petersburg State University Press, 2007. 279 p. (In Russian)
23. Eun Heegyong. *Secret and Lie*. Rus. ed. Transl. by Lee Sang Yun, Cho Geun Hee. Moscow, Vremia Publ., 2010. 368 p. (In Russian)
24. Cheon Meongkwan. *Whale*. Rus. ed. Transl. by Kim Hwan, Lee Sang Yun. Moscow, Tekst Publ., 2018. 416 p. (In Russian)
25. Hwang Sokyong. *Princess Bari*. Rus. ed. Transl. by A. Rozhkov. Moscow, Luch Publ., 2007. 368 p. (In Russian)
26. Pogadaeva A. Korean myths about origin of shamanism and creation of the Universe. *Vestnik Tsentra koreiskogo iazyka i kul'tury Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, iss. 16, pp. 251–261. (In Russian)
27. Hwang Sokyong. *Familiar Things*. Rus. ed. Transl. by D. Krutova. St Petersburg, 2011. 144 p. (In Russian)
28. Jeong Youjeong. *Seven Years Night*. Rus. ed. Transl. by A. Pogadaeva, Jong Insun. Moscow, AST Publ., 2019. 528 p. (In Russian)
29. Lankov A. N. *And the entire presidential sect. How will the crisis in South Korea end?* Available at: <https://carnegie.ru/commentary/66242> (accessed: 20.04.2021). (In Russian)

Received: December 4, 2021
Accepted: September 15, 2022

Author's information:

Lee San Yun[†] — PhD in Philology (1959–2023)